

ШАРЖИЩА.

ПОЭМА БАЙРОНА.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ Ш. А. НЕКРАСОВУ).

I.

То часъ, когда изъ-за вѣтвей
Трель соловья дрожить звончѣй;
То часъ, — когда такъ звучно-тихъ
Влюбленный шопотъ устъ молодыхъ;
И тихій вѣтръ, и плескъ волны
Для слуха чуткаго полны
Какой-то музыки живой,
И каждый цвѣтъ блеститъ росой,
И въ небѣ звѣздъ сверкаетъ рой,
И синева воды темнѣй,
И гуще мракъ въ сѣни вѣтвей,
И дымкой сводъ небесъ одѣтъ.
То — полумракъ, то — полусвѣтъ....
То часъ, какъ подъ закатъ дневной,
Прозрачной мглою заревой
Все будто флѣромъ обвито:
То часъ, пока еще луной
Мерцанье сумерекъ не вовсе залито!

II.

Но не затѣмъ, чтобъ слушать водонадъ
 Прокралась Паризина изъ палатъ;
 Не съ тѣмъ, чтобы глядѣть на сводъ ночной
 Синьйора бродить въ тишинѣ нѣмой,
 И, въ княжеской бесѣдкѣ Эстовъ, — врьдъ
 Она цвѣтовъ въ себя вдыхаетъ аромать.
 И жадно слушаетъ не соловья она,
 Хоть трепетнаго вся вниманія полна,
 Какъ будто сказкѣ слухомъ отдана....
 Вотъ шумъ шаговъ за чащею вѣтвей:
 Блѣднѣютъ щеки... сердца стукъ слышнѣй...
 Вотъ въ шелестѣ листовъ рѣчь ясно раздалась...
 Кровь снова прилила и грудь приподнялась!
 Еще минута... близокъ срокъ...
 Прошла — и онъ у милыхъ ногъ.

III.

И что для нихъ весь міръ кругомъ
 Съ его движеньемъ, ночью, днемъ?
 Вся жизнь и неба и земли
 Для нихъ ничто въ блаженный мигъ;
 И чужды, будто въ гробъ сошли,
 Они всему: вблизи, вдали
 Кругомъ... какъ будто кромѣ ихъ
 Нѣтъ на землѣ другихъ живыхъ.
 И дышать, и живутъ они
 Одинъ другимъ — за всѣхъ одни!
 Ихъ вздохи самые такимъ
 Полны блаженствомъ, что разбить
 Оно безуміемъ своимъ
 Въ груди могло бы сердце имъ,
 Когда бъ не краткій длилось мигъ.
 Опасность, страхъ, позоръ, вина....
 Ничто не возмущаетъ ихъ
 Тревожно-сладостнаго сна.

И кто жь изъ насъ, кто страсти зналъ, —
Иль медлилъ, или трепеталъ
Въ подобный мигъ, иль думать могъ
О томъ, что кратокъ счастья срокъ?
Увы! и такъ оно пройдетъ
Скорѣй, чѣмъ мысль родится въ насъ
Что быстротечень счастья часъ,
Что свѣтлый сонъ ужь не придетъ.

IV.

И медленъ и тоскливъ ихъ взглядъ:
Они спѣшать и не спѣшать
Преступныхъ радостей приютъ
Покинуть. Тщетны клятвы ихъ
И обѣщанья встрѣчь другихъ:
Грызеть ихъ мука, словно тутъ,
Теперь — разлуки вѣчной мигъ!
Объяты, вздохи безъ конца....
Хотятъ, какъ будто навсегда
Сковавшись, замереть уста....
Ея прекраснаго лица
Прозрачный очеркъ весь облитъ
Сіяньемъ неба заревымъ:
И небо — Паризина мнить —
Грѣха ихъ не отпуститъ имъ.
А съ неба строго такъ глядитъ
Судьею каждая звѣзда!
Объяты, вздохи безъ конца
Ихъ приковали бѣ навсегда
Къ свиданья мѣсту.... но давно
Ждетъ Паризину сѣнь дворца....
Урочный часъ — и суждено
Разстаться имъ: въ груди съ тоской,
Съ боязнью мрачно-ледяной,
Со всѣмъ, что слѣдовать должно
За грѣшнымъ дѣломъ, за виной.

V.

Уходитъ Уго, чтобъ искать
На ложѣ одинокомъ сна,
И по чужой женѣ сгарать
Грѣховнымъ жаромъ; а она,
Главу преступную должна
Къ груди супруга приклонить....
Но сонъ ея — горячки сонъ,
Грѣховныхъ чувствъ исполненъ онъ:
Ихъ обличаетъ жаръ лавить.
Она въ забвеньи страстныхъ грезъ
Лепечетъ громко имя то,
Котораго бы ни за что
И шопотомъ не произнесъ
Ея языкъ при свѣтѣ дня.
Супруга жметъ къ груди она,
Полна мятежнаго огня....
А онъ, объятъ пробужденъ,
Блаженъ мечтою, — грезы сна,
И страстный вздохъ, и нѣги стонъ
Душой готовъ благословить
И слезы умиленья лить
О томъ, что и во снѣ жена
Ему такъ страстно предана.

VI.

Онъ къ сердцу спящую прижалъ
И ловить смутный шопотъ словъ,
И слышитъ.... Чтожъ затрепеталъ
Князь Адзо, будто услышалъ
Архангела послѣдній зовъ?
И правъ онъ.... Приговоръ страшнѣй
Ему едва ли прозвучить
И надъ могилой, какъ изъ ней
Гласъ суди ему велить
Возстать, чтобъ вѣкъ уже не спать

И передъ вѣчный тронъ предстать.
 Да, правъ онъ.... Миръ его земной
 Единымъ звукомъ весь разбить :
 Невнятный лепетъ рѣчи той —
 Ея вина и Адзо стыдъ !
 И чье же имя?...

Раздалось

Оно въ ухахъ, какъ страшный стонъ
 Волны, которою разбить
 Челнокъ, и путникъ, на утесъ
 Зброшенный, вновь погружень
 Навѣки въ хлябь морскихъ валовъ
 И не воротится... Таковъ
 Ударъ, который нанесенъ
 Тѣмъ именемъ душъ его....
 И чье же имя?

Про кого

Не могъ бы грезить даже онъ !
 То имя — Уго.... сына той....
 Любимой прежде.... Сынъ родной,
 Плодъ страсти, плодъ мятежныхъ лѣтъ,
 Минувшаго живой упрекъ,
 Грѣхъ юныхъ дней, когда увлекъ
 Онъ сердце Бьянки и обѣтъ
 Безжалостно нарушить могъ,
 Обѣтъ, когда-то данный ей, —
 Довѣрчивой въ любви своей.

VII.

Кинжалъ извлекъ онъ изъ ножонъ,
 Но трепетно въ ножны опять
 Сталь хладная опущена....
 Ее убить не въ силахъ онъ !
 Пусть недостойна жить она,
 Но — такъ прекрасна!... И притомъ,
 Она съ улыбкой, тихимъ сномъ
 Забылась. Онъ не разбудилъ
 Ее.... а только устремилъ
 На спящую онъ взглядъ такой,

Что еслибъ, пробудясь отъ сна,
 Взглядъ этотъ встрѣтила она,
 Ее оледенилъ бы онъ
 На вѣчный, безпробудный сонъ.
 У князя по челу течеть,
 Густыми каплями блестя
 При свѣтѣ лампы, хладный потъ....
 Она-жь — замолкла. Но хотя
 Теперь безопасно спитъ она,
 А жизнь ея изочтена!

VIII.

Заутра же — допросъ. Вины
 Клятвопреступницы-жены
 Улики хочеть онъ собрать,
 И отъ придворныхъ слышитъ самъ
 Все, что страшился онъ узнать:
 Свой несомнѣнно-явный срамъ....
 Себя одинъхъ хотять спасать
 Ея сообщницы. Боязнь
 Велитъ имъ все—вину, и казнь,
 И стыдъ—лишь на нее слагать.
 Утаекъ нѣтъ. До мелочей
 Раскрыто все, чтобъ былъ вѣрнѣй
 Разсказъ; и больше ничего
 Душѣ измученной его
 И слуху не осталось ждать,
 И чувствовать, и узнавать....

IX.

Онъ не изъ тѣхъ, перенести
 Чтобъ могъ отсрочку мщенья.... Вотъ
 Въ совѣта залѣ, посреди
 Вельможъ, возсѣвъ на тронъ, зоветъ
 Чету преступную на судъ
 Владыка рода Эстовъ. Ихъ
 Обоихъ скованныхъ влекутъ.

Такъ оба юны; такъ пзъ сихъ
 Виновныхъ дивно хороша
 Одна.... и какъ, Спаситель мой, —
 Какой судьбой,
 Въ цѣпяхъ и тяжело дыша,
 Передъ отцомъ здѣсь сынъ родной
 Стоитъ, какъ предъ судьей?
 Предъ властелиномъ Уго здѣсь;
 И гнѣвъ его извѣдать весь,
 И слышать приговоръ
 Изъ устъ отцовскихъ долженъ онъ....
 Но пусть защиты онъ лишень
 И пусть въ цѣпяхъ.... До этихъ поръ
 Его языкъ былъ нѣмъ, а взоръ
 Лишь гордый выражалъ укоръ.

X.

Тиха, безмолвна и блѣдна
 Передъ судомъ стоитъ она....
 Какъ взглядъ очей ея живыхъ,
 То говорливыхъ, то нѣмыхъ
 И нѣги полныхъ, вдругъ поблекъ!...
 Еще вчера, горя огнемъ,
 Своихъ лучей блестящій токъ
 Онъ разливалъ на все кругомъ.
 Еще вчера свое копьё
 Готовъ былъ каждый за нее
 Изъ знатныхъ рыцарей сломать,
 Когда бъ лишь взоромъ повела....
 Еще вчера перенимать
 Ея улыбки, тонъ рѣчей
 Готова каждая была
 Красавица, чтобъ подражать
 Владычицѣ своей.
 Когда бъ въ очахъ ея печаль
 Туманной влагой разлилась,
 Навѣрно не одна бы стала
 Для отомщенья извлеклась

Тому, кто взоръ ~~ей~~ въ тѣ дни
 Могъ омрачить хотя на мигъ.
 А нынѣ, кто она для нихъ,
 Кто нынѣ для нея они?
 Теперь — властна ль она велѣть?
 Возможно ль имъ на зовъ летѣть?
 И равнодушны, и молчать
 Они, и клонять долу взоръ,
 Сложивши руки, иль таятъ
 Вражду, презрѣнье и укоръ
 Въ движеньи губъ, въ усмѣшкѣ злой....
 О, Паризина! вотъ твой дворъ!
 А онъ, а тотъ.... избранникъ твой,
 Чей мечъ недавно ждалъ однихъ
 Полу-велѣній глазъ твоихъ....
 Онъ, кто, — свободенъ будь на мигъ, —
 Твою свободу бь искупилъ
 Иль въ битвѣ голову сложилъ?...
 Жены отца любовникъ, онъ, —
 Такъ, какъ и ты, обремененъ
 Цѣплями тяжкими, — не зреть,
 Какъ влага слезъ твой взоръ мутить, —
 Слезъ, проливаемыхъ тобой
 За жребій друга, не за свой....
 И вѣки нѣжные твои,
 По кони тонкіе ручки —
 Извивы жилокъ разлились
 Всей темной синевою струй,
 Маня уста на поцалуй,
 Какъ будто налеты свинцомъ,
 Не осѣняютъ — давятъ взглядъ:
 Подъ ними слезы лишь кипятъ
 И накипая — бьютъ ключемъ.

XI.

И онъ.... онъ плакалъ бы о ней,
 Безъ этихъ сотенъ глазъ людскихъ,
 Слѣдящихъ зорко ихъ двонхъ....

Но тутъ, передъ толпой людей,
Его печаль,—какъ ни была
Тяжка, — какъ будто замерла!
И сердца Уго тайныхъ мукъ
Не выдалъ ни единый звукъ....
Лишь на нее одну взглянуть
Боицца онъ, чтобъ не вздрогнуть.
Воспоминанья прожитыхъ
Мгновений.... преступленье ихъ....
Любовь ихъ.... правый гнѣвъ отца,
Проклятье всѣхъ людей честныхъ....
Казнь здѣсь — и въ небѣ судъ Творца....
Ея погибель и позоръ!...

На смертно-блѣдное чело
Подруги хотъ единый взоръ
Какъ могъ бы нынѣ кинуть онъ?
За все имъ сдѣланное зло
Въ немъ грозно поднялся бѣ укоръ
И вылился въ ужасный стонъ.

XII.

И началъ князь:

«Еще вчера

Былъ гордъ я сыномъ и женой;
Сегодня, съ утренней зарей
Мой сонъ разсѣянъ. До утра,
До завтра не пройдетъ, — ни той
И ни другаго у меня
Не будетъ. Жизнь свою до дня
Кончины, буду я влечить
Одинъ.... Да будетъ, такъ и быть!
Здѣсь никого, — увѣренъ въ томъ, —
Нѣтъ, кто бѣ иначе поступить
На мѣстѣ могъ моемъ.
Союзъ разорванъ.... и не мной....
Опять скажу я: такъ и быть!
Внемлите жъ судъ правдивый мой:
Тебя священникъ, Уго, ждетъ;—
Затѣмъ — за грѣхъ расчетъ.

Ступай, молися небесамъ!
 Быть можетъ, и прощаютъ тамъ;
 Но мѣста нѣтъ обоемъ намъ
 Здѣсь на земли,
 Гдѣ бѣ вмѣстѣ двое мы могли
 Хотя единый часъ дышать....
 Прощай же.... Не увижу я,
 Какъ будешь умирать....
 Но ты, коварная змѣя,
 Ты будешь зрѣть — клянуся въ томъ —
 Его главу подъ топоромъ!
 Иди, развратная жена!
 Не я, но ты, лишь ты вина
 Убийства. Мучься жь, а потомъ
 Живи, коль можешь пережить....
 Тебя я не хочу казнить!»

XIII.

И тутъ суровый князь закрылъ
 Лицо, затѣмъ, что вдоль чела
 Пошли слѣды столь рѣзкихъ жилъ,
 Какъ будто къ мозгу прилила
 Вся кровь. И онъ, угрюмъ и нѣмъ,
 Склонился на руки главой,
 Чтобы не выдать предъ толпой
 Своихъ мученій. Между тѣмъ,
 Окованная приподнялъ
 Преступникъ руки — и просилъ
 Онъ слова краткаго. Молчалъ
 Князь Адзо, но не воспретилъ,—
 И Уго такъ заговорилъ :

«Смерть не страшитъ меня. Видалъ
 Не разъ ты, какъ летя на бой,
 Врывался вмѣстѣ я съ тобой,
 Въ ряды безчисленныхъ враговъ....
 И попрекнуть мечъ добрый мой,
 Который у меня отъять

Усердіемъ твоихъ рабовъ,
Нельзя въ бездѣйствіи. Наврядъ
Сѣкиръ палача пролить
Такъ много крови, какъ моей
Рукой, на службѣ бывъ твоей,
Крови враговъ твоихъ пролить
Я успѣвалъ въ единый бой.

«Тобой дана—и пусть тобой
Возьметъ нынѣ жизнь моя, —
Даръ, за который много я
Не въ силахъ благодарнымъ быть. ...
Я никогда не могъ забыть
Позора матери, стыда,
И смерти.... Помнилъ я всегда
И срамъ рожденья.... И однимъ
Наслѣдьемъ было то моимъ....
Давно она въ могилѣ спитъ....
Я, сынъ ея, соперникъ твой,
Твой сынъ, — туда же на покой
Сойду за ней; но обличить
Ея безрадостный конецъ,
Глава, на плахѣ нынѣ мной
Сложенная, — какъ нѣженъ былъ
Любовникъ, какъ любилъ отецъ!

«Пускай тебя я оскорбилъ,
Но — зло за зло.... Увы! она,
Твоя законная жена, —
Та жертва новая страстей
Твоихъ и гордости твоей, —
Ты помнишь, — мнѣ обручена
Была давно... Ты это зналъ!
Ея красы ты возжелалъ....
Своимъ же собственнымъ грѣхомъ,
Рожденья моего пятномъ
Меня унизилъ ты предъ ней,
Какъ недостойнаго назвать
Ее невѣстою своею....
Затѣмъ, что имя я не могъ

Носить твое и возсѣдать
 На тронѣ Эстовъ!... Но когда бѣ
 Еще прожить судилъ мнѣ Богъ,
 Блескъ славы Эстовъ былъ бы слабъ
 Предъ блескомъ тѣмъ, который самъ
 Стяжалъ бы я....

Я мечъ имѣлъ: душа моя
 Была способна къ небесамъ
 Вершину древа моего
 Поднять и Эстовъ родъ затмить
 Величьемъ царственнымъ его....
 Чтобъ шпоры рыцаря носить
 Достойно — знатнымъ мало быть....
 Мои же шпоры въ смертный бой
 Предъ всей вельможною толпой
 Стремилъ моего коня,
 И мчалъ ретивый конь меня
 И громко несся по полямъ
 Мой кличъ: «Домъ Эстовъ — смерть врагамъ!»

«Я преступленье не вину
 Оправдывать, и не хочу
 Пощаду вымолить себѣ,
 И не прошу, чтобы судьбѣ
 Самой оставилъ ты скосить
 Остатокъ, — бѣдный, можетъ быть, —
 Мнѣ предназначенныхъ годовъ.
 Да и зачѣмъ? Безумныхъ словъ
 Не повторить, не возвратить!
 Но пусть и низокъ родомъ я,
 Пускай позоръ на мнѣ лежитъ,
 Пусть родовая спесь твоя
 Меня признать сочла бѣ за стыдъ....
 Въ моихъ чертахъ легко узнать
 Отца черты — твою печать.
 И все твое въ душѣ моей:
 Твоя неукротимость въ ней,
 Твоя.... но чтожь трепещешь ты
 Во мнѣ узнать свои черты?...
 Твоя они — моя рука,

Которая, какъ сталь, крѣпка,
 Моя душа — вся изъ огня....
 Ты мнѣ не жизнь лишь подарилъ, —
 Себя ты перелилъ въ меня!
 Смотри жь на плодъ грѣховный свой
 И казнись тѣмъ, что породилъ
 Ты сына, сходнаго съ тобой!...
 Не выкидышь по духу я:
 Душѣ подобная твоей,
 Не терпитъ узъ душа моя.
 А жизнь, а даръ мгновенный сей,
 Который нынѣ ты судилъ
 Отнять, — ты знаешь, — я цѣнилъ
 Не больше, чѣмъ цѣнилъ ты самъ,
 Когда бывало, свой шоломъ
 Надвинешь ты, и, конь съ конемъ,
 По мертвымъ вражескимъ тѣламъ
 Мы мчмся съ дерзостнымъ челомъ.

«И пусть что было — то прошло,
 И пусть грядущее могло
 Лишь прошлому подобно быть....
 А все мнѣ жаль, что жизни нить
 Судьба не порвала тогда!
 Хоть матери моей стыда
 Виновникъ — ты; хотя всѣхъ золь
 Причина — ты; хоть подъ вѣнецъ
 Мою невѣсту ты повелъ, —
 Я чувствую: ты мой отецъ!
 И приговоръ суровый твой, —
 Онъ правъ, хоть изреченъ тобой.
 Зачатъ въ грѣхѣ, позорно я
 Умру на плахѣ: жизнь моя
 Окончится, какъ началась....
 Грѣшилъ отецъ — и сынъ грѣшилъ!
 Во мнѣ одномъ обоихъ насъ
 Ты нынѣ право осудилъ.
 Мой грѣхъ въ глазахъ толпы людской
 Тяжеле: Божій судъ — иной!»

XIV.

Окончилъ — и спокойно сталъ,
 На грудь сложивши руки онъ ;
 И какъ-то страшно прозвучалъ
 Цѣпей тяжелыхъ рѣзкій звонъ.
 И не было ни одного
 Изъ окружавшихъ тронъ вождей,
 До сердца бъ не проникъ чьего
 Глухой и мрачный звонъ цѣпей....
 На роковую красоту
 Жены-преступницы, на ту
 Причину казни и вины,
 Вновь взоры всѣхъ устремлены!
 Какъ приметъ — каждый знать желалъ —
 Казнь совиновника она....
 Она же, зла всего вина,
 Межъ тѣмъ стояла, я сказалъ,
 Тиха, безмолвна и блѣдна....
 А взглядъ ея недвижимъ былъ,
 Но былъ открытъ. Ни разу онъ,
 Казалось, не былъ обращенъ
 На чтонибудь — и не бродилъ
 По сторонамъ; и вѣки глазъ
 Ея прелестныхъ хоть бы разъ
 Сомкнулись, — тѣнию своей
 Хоть разъ прикрыли бъ блескъ очей!
 Нѣтъ! обвивали, какъ кружки,
 Своею страшной бѣлизной
 Они лазурные зрачки.
 Стеклянно-хладенъ, нѣмъ и дикъ
 Былъ взглядъ ея передъ толпой.
 Казалось, будто ледъ проникъ
 Въ ея свернувшуюся кровь.
 Слеза являлась лишь порой....
 И, медленно скопившись, вновь
 Изъ-подъ каймы рѣсницъ густыхъ
 Катилась крупная слеза.
 Лишь тотъ, кто видѣлъ, тотъ постигъ,

Что́ это было.... Слезъ такихъ
Людскіе на землѣ глаза,
Казалось всѣмъ, не могутъ лить.
Хотѣла что-то говорить
Она..... Глухой, неясный звукъ
Гортань сухая издала....
И въ звукъ томъ слышна была
Вся тягость безконечныхъ мукъ.
Замолкъ онъ.... Что-то ей опять
Хотѣлося потомъ сказать, —
И голосъ слышался, но онъ
Излился только въ долгій стонъ....
И пала на землю она,
Какъ тяжкій камень, какъ порой
Съ подножья мраморъ — ликъ живой.
Увы, не Адзо то жена,
Сей трупъ бездушный и нѣмой:
Надгробный памятникъ скорѣй,
Надгробный памятникъ надъ ней,
Надъ ней, кого, какъ жало, страсть
Явила и къ грѣху влекла, —
Надъ ней, которая упасть
До преступленія могла
И посрамленья не снесла!...

А все жива еще она.

И къ тяжкимъ мукамъ бытія
Вновь слишкомъ скоро призвана
Отъ полусмерти забытья....
Но бѣдный разумъ.... Напряглись
Въ ней фибры чувствъ и порвались....
И въ помутившемся отъ мукъ
Мозгу все въ хаосѣ слилось!
Какъ отъ дождя размокшій лукъ,
Который стрѣлы мечетъ вкось,
Безсвязно дикія, какъ сонъ,
Рождаютъ лишь можетъ мысли онъ.
Пустое, бѣлое пятно —
Для ней прошедшее; черно
Грядущее: едва видна
Стезя въ немъ, да и та темна,

Какъ путнику, что въ часъ ночной
 Тропинки вынужденъ искать,
 Чуть освѣщаемой грозой.
 Она боялась.... Понимать
 Могла, что ей на душу зло
 Теперь какое-то легло,
 Какъ камень, холодно, тяжело.
 Что былъ тутъ грѣхъ, и срамъ тутъ былъ,
 Что кто-то скоро тутъ умретъ....
 Но — кто?... забыла.... Приходилъ
 Вопросъ ей: что, она живетъ,
 Иль нѣтъ? Земля ли подъ стопой?
 Надъ нею небо ли?... Кругомъ
 То люди ль собрались толпой?
 Иль демоновъ проклятыхъ рой,
 Съ какимъ-то злобнымъ торжествомъ,
 Глядитъ на ту, которой взоръ
 Привыкъ досель встрѣчать кругомъ
 Сочувствіе, а не укоръ?
 И все подобно стало тьмѣ
 Въ ея блуждающемъ умѣ.
 Боязнь, надежды — все слилось
 Въ непроницаемый хаосъ....
 То смѣхъ, то слезы — и равно
 Во всемъ безуміе одно!
 Въ тяжелый, судорожный сонъ
 Ея разумокъ погруженъ....
 Его на помощь тщетно звать,
 И пробужденья долго ждать!

XV.

Монастыря колокола
 Гудятъ, звонятъ,
 Сливаясь въ гулъ глухой;
 На старой башнѣ, прямой какъ стрѣла,
 Медленно, тяжело, впередъ и назадъ
 Качаясь, режутъ, какъ жалобный вой.
 Тоску на сердце наводитъ ихъ звонъ....

Но, чу! раздался и гмыгъ похороны,
 Торжественно-вратень, уныль....
 Поминки по томъ, кто на свѣтъ станиль
 Иль споро стикитъ осуждены....

За душу грѣшника летять
 Молитвы къ небесамъ....
 Колокола всѣмъ своимъ гудять,
 Курится свѣтъямъ....
 Для грѣшной души настаеъ
 Тяжелый мигъ конца....
 Чье сердце отъ жалости здѣсь не дрогнетъ?...
 Къ ногамъ монаха, святаго отца,
 Онъ на землю сырую колѣни склонилъ.
 И плаха предъ нимъ, и страха двора
 Кругомъ обступила ее....
 И палачъ рукава засучилъ,
 Чтобъ вѣрнѣе ударъ его былъ,
 И смотреть: остро ль топора лезвие....
 И пробуя, нашепъ своимъ топоромъ....
 И безмолвной и гѣсной толпою народъ,
 Стекается видѣть, какъ сынъ умретъ,
 Роднымъ казнимый отцомъ.

XVI.

А вечеръ нѣгой напоены,
 Кругомъ все блещетъ и цвѣтетъ;
 И покидая небосклонъ,
 Какъ бы въ насмѣшку солнце льетъ
 Струи роскошнѣвшихъ лучей
 На этотъ мрачный день скорбей.
 Вечернимъ свѣтомъ обмыло
 Оно преступника чело,
 Въ тотъ мигъ, когда склонясь во прахъ
 Смиренно предъ отцемъ святымъ,
 Онъ въ сокрушенъи передъ нимъ
 Кончаетъ исповѣдь въ грѣхахъ;
 Лобзаетъ крестъ — святой символъ —

И отпущенія глаголь,
 Могущій душу, — сколь она
 Грѣдомъ ни будь осквернена, —
 Отъ смертныхъ пятакъ всѣхъ омить
 И паче снѣга убѣлить,
 Глаголь прощенья, неба зовъ
 Благоговѣнно внять готовъ.
 Играсть солнце въ этотъ мигъ
 Всѣмъ золотомъ лучей своихъ —
 И на главѣ, склоненной въ прахъ,
 И на каштановыхъ кудряхъ,
 На шею падающихъ; но
 Особенно блеститъ оно
 Зловѣще-яркой полосой
 На глади топора стальной....
 Ужасенъ смертнымъ смерти мигъ!
 И въ души зрителей проникъ
 Смертельный хладъ.... Пусть каждый зналъ,
 Что грѣхъ ужасный совершенъ,
 Что правъ карающій законъ, —
 Но всякъ невольно задрожалъ....

XVII.

Мольбы послѣднія скончалъ
 Преступный сынъ, жены отца
 Любовникъ дерзкій; досказалъ
 Грѣхи, какіе только звалъ,
 И пробилъ часъ его конца,
 И настаетъ послѣдній мигъ!
 Снимаютъ плащъ съ него долой.
 И прядь кудрей его густыхъ
 Палачъ презрѣнною рукою
 Уже схватилъ... Еще одна
 Минута — пала въ прахъ она!
 Въ гробъ не возьметъ онъ ничего:
 Ни тѣхъ убранствъ, въ какія онъ
 Былъ такъ роскошно облеченъ,
 Ни даже шарфа своего,

Что Парившой подаренъ...
Съ него одежда сорвана...
Повязка взоръ закрыть должна...
Но нѣтъ! Его ли гордый взоръ
Подобный вынесетъ позоръ?
И чувства, что казались въ немъ
Затихшими, — проснулись вновь;
И закипѣла въ немъ вся кровь
Негодования огнемъ,
Когда глаза ему платкомъ
Палачъ собрался повязать; —
Какъ будто бѣ съ смертию незнакомъ
Онъ былъ, и прямо ей взирать
Въ лицо издавна не привыкъ!...
«Нѣтъ! пусть цѣпями связанъ я,
Пусть вамъ и жизнь и кровь моя
Обречены, — послѣдній мигъ
Съ открытымъ взоромъ встрѣчу я.
Рази!» И лишь проговорилъ, —
На плаху самъ главу склонилъ...
И были Уго то слова
Послѣднія: «Рази!»... Взмахнулъ
Палачъ рукой, топоръ сверкнулъ —
И покатила голова.
И рухнувъ, трупъ кровавый палъ
На землю тяжко; побѣждалъ
Изъ туловища крови токъ
И напоилъ, какъ дождь, песокъ...
Мигнули судорожно разъ
И два — но быстро — вѣки глазъ;
На мигъ раскрылся уста
И затворились навсегда...
Онъ умеръ такъ, какъ умирать
Всѣмъ грѣшнымъ надо пожелать:
Безъ шума и безъ хвастовства!
Онъ покаянныя слова
Читалъ смиренно; врачевства
Духовнаго не отвергалъ,
Не впалъ въ отчаяннѣ грѣхъ:
У ногъ пріора прекломенъ,

Въ безмолвномъ воздухѣ, — какъ крикъ
 Пронзительнъ, безумно дикъ,
 Какъ матери ужасный стонъ
 Надъ пораженнымъ смертию вдругъ
 Дтей, — прорѣзалъ воздухъ онъ,
 Сей дикій вопль неадминныхъ мукъ:
 Онъ изъ рѣшетчатыхъ оконъ
 Дворца — нѣмую тишь прорвалъ
 И къ небу поднялся, тотъ крикъ
 Отчаянный.... И обратилъ
 Невольно каждый взоръ туда,
 Но тщетно.... Стихло... Только, былъ
 То женскій крикъ — и никогда
 Изъ груди мукъ душевныхъ боль
 Не вырывала вѣдя столь
 Безумнаго. Кто улыхалъ
 Сей стонъ, — тотъ вѣрно дождалъ
 Изъ состраданья, чтобы съ
 Былъ смертный — этотъ страшный стонъ!

XIX.

Паль Уго, и съ минуты сей
 Его печальнаго ~~исхода~~ —
 Ни въ залахъ мраморныхъ дворца,
 Ни въ темной зелени аллеи
 Не видно Паризины. Слѣдъ
 Ея пропасть — и слуху нѣтъ
 Нигдѣ ужъ болѣе о ней...
 И даже имя те ни чей
 Языкъ промолвить не дерзалъ,
 Какъ бы одно изъ словъ такихъ,
 Какія изъ бесѣдъ людскихъ
 Навѣки — или страхъ изгналъ,
 Иль чувство изгнало стыда.
 Отъ князя жъ Адзо никогда
 Никто ни разу не слышалъ
 Ни сына, ни жены твоей.
 Никто не зналъ гробницы ихъ.

Былъ за оградой мѣсть святыхъ
 Ихъ праху уголь отведенъ.
 По крайней мѣрѣ такъ зарытъ
 Былъ рыцарь. Паризины рокъ
 Глубокой тайною покрытъ,
 Какъ прахъ доскою гробовой...
 Стяжала ль тягостнымъ путемъ,
 Слезами, бдѣньями, постомъ
 Она въ обители святой
 Прощенье неба?.. Ножъ иль ядъ
 Пресѣкли дни ея?.. Молчатъ
 Преданія. Иль, можетъ быть,
 Безъ долгихъ пытокъ жизни нить
 Ея мгновенно порвалась,
 И грудь отъ мукъ разорвалась
 При взмахѣ топора. — едва
 Скатилась Угѣ голова...
 Но какова бы ни была
 Ея кончина, — умерла
 Она печально, какъ жила !

XX.

И князь женился на другой,
 И окруженъ подъ старость былъ
 Онъ добрыхъ сыновей толпой;
 Но не былъ ни одинъ изъ нихъ
 Сыновъ столь доблестенъ и милъ,
 Какъ тотъ, кто тлѣлъ въ землѣ сырой;
 Иль если были — доблестъ ихъ
 Холодный взоръ не примѣчалъ:
 А примѣчалъ, такъ подавлялъ
 Родитель вздохъ въ груди своей....
 Но слезъ у князя никогда
 Не вырывалось изъ очей.
 И никогда его уста
 Не озарялись ужь потомъ
 Улыбки радостныхъ лучей.
 Его высокое чело

Изрыли тяжкихъ думъ слѣды —
 Морщины.... Горе провело
 До срока эти борозды
 Горячимъ плугомъ. Для всего
 Онъ отжилъ навсегда; равно
 Для радостей и для скорбей.
 Ему въ грядущемъ ничего
 Не оставалось давно, —
 Лишь развѣ длинный рядъ ночей
 Безъ сна и рядъ тяжелыхъ дней,
 Да равнодушіе одно
 Къ хвалѣ или хулѣ людской....
 Его душа давно бѣжать
 Хотѣла бѣ отъ себя самой,
 Но покориться не могла
 Судьбѣ своей, — а забывать
 Способна не была ;
 Она всегда, въ тотъ даже мигъ,
 Когда, казалось, тишина
 Въ ней водворялася, — полна
 Была обычныхъ думъ своихъ,
 Думъ напряженныхъ, мрачныхъ, злыхъ....
 Такъ льда густой и твердый слой
 Покроетъ лишь поверхность водъ, —
 Неудержимо токъ живой
 Подъ хладною корой течетъ
 И течь не можетъ перестать...
 Духъ Адзо такъ же волновать
 Не преставалъ обычный токъ
 Печальныхъ думъ: источникъ ихъ
 Былъ слишкомъ силенъ и глубокъ,
 Чтобы, какъ память дней былыхъ,
 Изсякнуть. Тщетно мы хотимъ
 Разливъ сердечныхъ волнъ унять;
 Вовѣки не изсякнуть имъ —
 И возвращаются опять
 Потоки слезъ непролитыхъ
 Къ источнику — и тамъ на днѣ
 Кипятъ въ душевной глубинѣ....
 И пусть никто не видитъ ихъ,

Тѣхъ слезъ непролитыхъ, — онѣ,
На сердце падая, опять
Скопляются и тѣмъ сильнѣй,
Чѣмъ болѣе въ груди своей
Мы силится ихъ подавлять....
Истерзанъ внутренней тоской,
Воспоминаньями о тѣхъ,
Кого казнилъ за тяжкій грѣхъ,
Страдая сердца пустотой,
Ненаполнимой ни на мигъ,
И безъ надежды встрѣтить ихъ
Хоть за предѣлами земли;
При всемъ сознаніи, что онъ
Свершилъ свой судъ, какъ самъ законъ,
Что сами гибель навлекли
Они на голову себя —
Былъ князь подъ старость обреченъ
Тоскѣ, мученьямъ и борьбѣ....
Могучій дубъ, когда порою
Суки испорченныхъ вѣтвей
Подрѣжетъ опытной рукой
Садовникъ бережно, — сильнѣй
Раскинется подъ небеса....
Но если въ бышествовѣ гроза
Нежданно вѣтви оналитъ, —
Нѣмой развалиной стоитъ
И сохнетъ сумраченъ и голъ
Вѣтвей навѣкъ лишенный стволъ.

А. П. ГРИГОРЬЕВЪ.

СОВРЕМЕННОСТЬ

1859

№ VIII АВГУСТЪ

За распродажею всѣхъ экземпляровъ, подписка на «Современникъ» 1859 года прекращена. Деньги, поступающія въ контору вслѣдствіе продолжающихся требованій на «Современникъ» нынѣшняго года, будутъ, со времени изданія сего объявленія, возвращаемы по принадлежности или же зачтены за «Современникъ» 1860 года, смотря по желанію гг. подписавшихся, о чемъ контора и проситъ увѣдомленія.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА
(На Невскомъ, домъ Завѣтнаго № 58)